

СКОВОРОДА В РУССКОЙ И УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВОСЕМНАДЦАТОГО–ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКОВ

Андреа Бернат

Недавно умерший, знаменитый во всем мире литературовед, бывший руководитель Института русской и славянской филологии Римского университета "Ла Сапиенза" Анджело М. Рипеллино в пяти разных статьях своей книги о великих представителях русской литературы пишет о лирике Державина. В статьях под заглавиями "Смерть и эмблемы" и "Водопады и великие земли" он относит эмблемы и целую систему картин и представлений великого русского поэта конца восемнадцатого–начала девятнадцатого веков к жанру "пляски смерти", который представляет собой типичный западно-европейский жанр позднего Возрождения и Барокко, и часто встречается в лирике, в философско-теологических трактатах, в живописи, позднее даже и в музыке. Замечание Рипеллино кажется довольно убедительным, если иметь в виду такие стихотворения Державина, которые доступны и в переводе на венгерский язык, как например "Река времен в своем стремленьи", "Водопад", "Властителям и судиям" или "На смерть кн. Мещерского". Приведем некоторые отрывки из вышеупомянутых произведений:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

Река времен, 1816

Сидит и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
"Не жизнь ли человек нам

Сей водопад изображает?
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздаётся,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

Не зрим ли всякой день гробов,
Седин дряхлеющей веселенной?
Не слышит ли в бою часов
Глас смерти, двери скрип подземной?
Не упадет ли в сей зев
С престола царь и друг царев?"

Водопад, 1791

Цари! – я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я, подобно страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь один царем земли!

Властителям и судиям, 1870

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся,
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.

Без жалости все смерть разит:
И звезды ею скрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

На смерть кн. Мещерского, 1779

На основе приведенных отрывков кажется убедительным предположение о том, что в поэзии Державина наблюдается глубокое переживание смерти. В то же время надо добавить, что лирика Державина не является исключительно поэтическим выражением жажды уйти от земной имманентной жизни. Чтобы уравновесить это впечатление, в стихотворении "*Приглашение к обеду*" (как и в многочисленных других произведениях) трепещущее переживание смерти вытесняется эмблемами в стиле Барокко, фламандских жанровых картин и натюрмортов, которые свидетельствуют о принятии радостей жизни:

В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят,
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вокруг ожидая,
Хозяйка статная, молодая
Готова руку протянуть.

Приглашение к обеду, 1795

По свидетельству Дмитриевой, которая в своей работе описывает спор жизни и смерти, книги, написанные в жанре "плясок смерти", встречались в России в переводе с немецкого и польского оригинала уже в конце пятнадцатого столетия. Исследователи, кажется, до сих пор не обратили внимания на возможность того, что в упомянутом отношении великий украинский философ и теолог, Григорий Сковорода влиял на своих русских и украинских современников, как например Державин и Тарас Шевченко на позднейших представителей русской литературы, таких как Иван Андреевич Крылов. Не вдаваясь в биографические объяснения, надо отметить,

что Сковорода как теолог, окончивший Киевско-Могилянскую Академию, ездил по многим странам Европы, преподавал в многочисленных академиях России и Украины, побывал несколько раз и в Петербурге, вращаясь в высшем свете, встречался с Державиным, который был в то время "министром без портфеля". Более важным является то обстоятельство, что первые, вышедшие в печати произведения Сковороды появились еще при жизни Державина (в 1798 и 1806 годах). Духовная близость Сковороды и Державина становится очевидной при чтении апологического цикла стихотворений философа *"Сад божественных песен"*. Чтобы проиллюстрировать это, я считаю целесообразным привести десятую песню:

Всякому городу нрав и права,
 Всяка имеет свой ум голова,
 Всякому сердцу своя есть любовь,
 Всякому горлу свой есть вкус каков,—
 А мне одна только в свете дума,
 А мне одно только нейдет с ума.

Песнь 10-ая

В отличие от основной идеи Державина, которая не противоречит онтологически-религиозному взгляду Сковороды, полностью открытому на бытие, и которая показывает осмысленность жизни в человеческом творчестве, в художественной деятельности. Философ выводит опыт осмысления жизни из ограниченности ее, и в то же время, из уверенности в полноте и осмысленности бытия, воспринятой в религиозном смысле. Стихотворение Сковороды иронически показывает разные возможности человеческой "полноты" и "самоосуществления", соответственно к различным искушениям мира. Один страдает погоней за рангами и поэтому становится угодливым, другой человек является нечестным торговцем, третий — банкир, четвертый отдается сладострастию или "желудку". Однако, по ценностной системе Сковороды нельзя согласиться с этими "программами" и другими типами поведения, перечисленными в произведении, потому, что они предполагают самоосуществление ошибочно, исключительно в имманентности, и, отказываются от полноты

и от бытия, воспринятого в религиозном смысле. Почти тридцать произведений названного цикла Сковороды можно возвести к этой основной идее.

Известно, что Сковорода стал популярным не как академик или "кабинетный ученый". Он проповедовал и искал истины в живом контакте с людьми, в "сократических" диалогах, когда странствовал по всей стране. Читая стихотворение "*Косарь*" великого украинского поэта-последователя Тараса Шевченко, мы находим в нем реминисценции из произведений философа, хотя по своему духу украинский поэт отличается от Сковороды:

Он полями идет,
 Не покосы кладет,
 Не покосы кладет – горы.
 Стонет суша, стонет море,
 Стонет и ревет.

Косаря средь ночи
 Повстречали сычи,
 А косарь не отдыхает,
 Никого не замечает –
 Проси не проси,

Не моли, не проси,
 Он не точит косы, –
 То ли пригород, то ль город, –
 Бреет он без разговора
 Все, что на пути:

Мужика, шинкаря,
 Сироту кобзаря,
 Подпевая, старый косит,
 Горами кладет покосы,
 Найдет и царя.

Косарь, 1847

Сковорода в своих трактатах научного характера также занимался жанром сказки и басни, особенно баснями Эзопа и Федра. Не менее важно то обстоятельство, что он сам написал почти тридцать басен под заглавием *"Харьковские басни"*, а так же занимался и переводом античных сказок. Поэтому естественно предположить, что среди произведений великого русского баснописца Крылова мы найдем мотивы, которые свидетельствуют о влиянии Сковороды. Известно, что Сковорода и Крылов были современниками, хотя Сковорода был намного старше (Крылов родился в 1769-ом году, Сковорода умер в 1794-ом). Крылов нашел жанр басни после длительных безуспешных литературных поисков. Мы даже в праве предположить, что кроме произведений великого французского предшественника-баснописца Лафонтена, и произведения Сковороды (не только его басни!) влияли на его творчество. О таком влиянии свидетельствует его стихотворение *"Крестьянин и Смерть"*, в котором универсальное и онтологическое переживание мира у Сковороды появляется в более сниженной крыловской форме:

Набрав валежника порой холодной, зимной,
 Старик, иссохший весь от нужды и трудов,
 Тащился медленно к своей лачужке дымной,
 Кряхтя и охая под тяжкой ношей дров.
 Нес, нес он их и утомился,
 Остановился,
 На землю с плеч спустил дрова долой,
 Присел на них, вздохнул и думал сам собой:
 "Куда я беден, боже мой!
 Нуждаюсь во всем, к тому ж жена и дети,
 А там подушное, боярщина, оброк...
 И выдался ль когда на свете
 Хотя один мне радостный денек?
 В таком унынии, на свой пеняя рок,
 Зовет он Смерть: она у нас не за горами,
 А за плечами.
 Явилась вмиг
 И говорит: "Зачем ты звал меня, старик?"
 Увидевши ее свирепую осанку,

Едва промолвить мы бедняк, оторопев:
 "Я звал тебя, коль не вогнев,
 Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку".

Из басни сей
 Нам видеть можно,
 Что как бывает жить ни тошно,
 А умереть еще тошней.

Крестьянин и Смерть

Я считаю очень важным следующее предположение: Лев Выготский, известный психолог в той части своей книги, где он занимается произведениями Крылова, пишет о характеристике аллегории и об аффективной противоположности, составляющей основу поэтической сказки, анализируя крыловскую басню "Осел и Соловей". Он сравнивает эту басню с одним из произведений Сковороды и замечает аналогию.

О вышеназванном влиянии Сковороды свидетельствует то странное обстоятельство, что среди басен Сковороды мы не находим произведения соответствующего именно этой басне. Самые важные мотивы в той части, где описывается пение соловья, соответствуют основным картинам и мотивам тринадцатой песни цикла "Сад божественных песен" Сковороды:

Осел увидел Соловья
 И говорит ему: "Послушай-ка, дружуще!
 Ты, сказывают, петь великий мастерище:
 Хотел бы очень я
 Сам посудить, твое услышав пенье,
 Велико ль подлинно твое уменье?"
 Тут Соловей являть свое искусство стал:
 Защелкал, засвистал
 На тысячу ладов, тянул, переливался,
 То нежно он ослабевал
 И томной вдалеке свирелью отдавался,
 То мелкой дробью вдруг по роце рассыпался.

Внимало все тогда
 Любимцу и певцу Авроры:
 Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
 И прилегли стада.
 Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
 И только иногда,
 Внимая Соловью, пастушке улыбался.
 Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом:
 "Изрядно - говорит, - сказать неложно,
 Тебя без скуки слушать можно,
 А жаль, что незнаком
 Ты с нашим петухом,
 Еще б ты боле наострился,
 Когда бы у него немножко поучился".
 Услыша суд такой, мой бедный Соловей
 Вспорхнул и - полетел за тридевять полей.

Крылов: Осел и Соловей

Ах поля, поля зелены,
 Поля цветами распещрены!
 Ах долины, яры,
 Круглы могилы, бугры!

Ах вы, вод потоки чисты!
 Ах вы, берега трависты!
 Ах ваши волоса,
 Вы, кудрявые леса!

Жаворонок меж полями,
 Соловейко меж садами,
 Тот, выпрь летя, сверчит,
 А сей на ветвях свистит.

А когда взошла денница,
 Свищет в тот час всяка птица,

Музыкою воздух
Растворенный шумит вокруг.

Только солнце выникает,
Пастух овцы выгоняет
И на свою свирель
Выдает дрожливу трель.

Пропадайте, думы трудны,
Города премноголюдны!
А я с хлеба куском
Умру на месте таком.

*Сковорода: Песнь 13-я,
Сад божественных песен*

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрестоматия по русской литературе XVIII века (составил А. В. Кокорев). М., 1952, с. 623–630, 638–639, 650.
2. И.А. Крылов. Сочинения в двух томах. Том 2. (Басни, стихотворения, пьесы.) М., 1969, с. 51, 102.
3. Тарас Шевченко. Кобзарь. Перевод с украинского. М., 1954, с. 390–391.
4. Григорий Сковорода. Сочинения в 2-х томах. Том 1. (Сад божественных песен.) М., 1973, с. 57–59.